

О КУЛЬТЕ АСКЛЕПИЯ В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ (ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

К. В. ГОЛЕНКО и А. Н. ЩЕГЛОВ
(Москва) (Севастополь)

О существовании в Херсонесе Таврическом культа бога-целителя Асклепия в эллинистический период утвердительно говорить в настоящее время не представляется возможным. Единственным косвенным свидетельством культа Асклепия в этот период могли бы служить находки в Херсонесе нескольких известняковых жертвенныхников с рельефными изображениями обвивающих их змей. Такое предположение было высказано Г. Д. Беловым¹. Однако, одновременно с ним Г. Д. Белов допускал и возможность посвящения этих жертвенныхников подземным богам. Последнее предположение нам кажется более вероятным по трем причинам. Во-первых, змея — животное, связанное с хтоническими представлениями древних, посвящалась не только Асклепию, но и другим богам, которые имели отношение к потустороннему миру. Во-вторых, жертвенные, найденные *in situ*, были обнаружены в подвальных помещениях зданий, что может служить указанием на культ подземных богов. И наконец, в-третьих, никаких других свидетельств существования в Херсонесе интересующего нас культа со времени основания города (V в. до н.э.) вплоть до рубежа н.э. нет ни среди археологических, ни среди нумизматических или эпиграфических материалов. Имя Асклепия не упоминается и в числе главных богов-покровителей города, перечисленных в важнейшем документе III в. до н.э. — так называемой гражданской присяге херсонессцев².

Следует сказать, что культ бога-целителя для этого времени отмечен в Ольвии³ и на Боспоре. В боспорских городах он, по-видимому, был более почитаем. Страбон, описывая по Эратосфену суровый климат северного побережья Понта, упоминает вслед за ним о храме Асклепия в Пантиканее (Strabo, II, 1, 16). Известно, что в Пантиканее кроме храма находилось и загородное святилище бога с целебным источником, местоположение которого засвидетельствовано найденной поблизости надписью⁴.

Асклепий на Боспоре почитался наряду с Аполлоном Простатом, сыном которого, согласно греческой мифологии, он был. Наиболее ранним совместным упоминанием этих имен является, очевидно, граффити на обломке дна чернолакового блюда IV в. до н.э., которое найдено в Пантиканее в 1867—68 гг.⁵. Это свидетельствует о древности обоих культов на Боспоре. Впрочем, если судить по сохранившимся посвятительным надписям, происходящим с территории Боспорского царства, культ Аполлона Простата там был более популярен.

Что касается Херсонеса, то первое несомненное свидетельство существования там культа Асклепия относится к первым векам н.э. Это обломок декрета (рис. 1) в честь некоего 'Нδ[υγένης], который, по предположению В. В. Латышева, был врачом и не херсонессцем⁶.

¹ Г. Д. Белов, *Херсонес Таврический*, Ленинград, 1948, стр. 78.

² IOSPE, I, № 401.

³ Б. В. Фармаковский, *Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг.*, IAK, вып. 13 (1906), стр. 191 слл.; G. M. Hirst, *Ольвийские культуры*, IAK, вып. 27 (1908), стр.

133 слл.

⁴ IOSPE, II, 30; В. Ф. Гайдукевич, *Боспорское царство*, Москва — Ленинград, 1949, стр. 170 слл.

⁵ И. И. Толстой, *Греческие граффити городов Северного Причерноморья*, Москва, 1953, № 182.

⁶ IOSPE, I, № 376.

В надписи прямо указано, что ее надлежит установить в святилище [ἐν Ἱερῷ] Асклепия. В. В. Латышев датировал этот декрет суммарно «римским временем». Однако, несмотря на то, что дата и имена должностных лиц на памятнике не сохранились, упоминание в тексте надписи «царствования Цевы» позволяет уточнить первоначальную датировку и сузить ее до периода I — первой четверти II в.н.э.

Рис. 1. — Фрагмент надписи из Херсонеса, в которой упомянуто святилище Асклепия.

опираясь на жезл правой рукой; левая рука, скрытая плащем, упирается в бедро. Такая трактовка позы появляется, вероятно, еще в V в. до н.э., однако как мы это уже отмечали, наибольшее распространение она получила в первые века нашей эры на территории Римской империи⁹. Большое количество статуарных реплик, восходящих к раннеэллинистическим оригиналам, их повторения в терракоте и в монетных типах были рассмотрены в специальных работах и публикациях памятников¹⁰. В результате этого было установлено, что изображения Асклепия и Гигией воспроизводят пергамскую группу скульптур. Поскольку, как правило, в копиях и репликах повторялись наиболее знаменитые статуи, можно предположить, что изображения Асклепия в

⁷ А. Н. Щеглов, *Скульптурные изображения Асклепия*, СГХМ, вып. I, Симферополь, 1960, стр. 9 слл.

⁸ О. Waldhauer, *Die antiken Skulpturen der Ermitage*, I, Берлин-Лейпциг, 1928, S. 15, Taf. III, № 5.

⁹ Херсонесскому торсу близка мраморная статуэтка Асклепия из Ольвии, хранящаяся в Одесском Гос. Археологическом Музее (ее публикация подготавливается).

¹⁰ См. напр.: H. von Fritze, *Asklepiosstatuen im Pergamon*, *Nomisma*, II, Berlin, 1908, S. 19 ff.; O. Bernhard, *Griechische und römische Münzbilder in ihren Beziehungen zur Geschichte der Medizin*, Zürich-L. Leipzig-Berlin, 1926 (приведена исчерпывающая библиография вопроса); А. Baumeister, *Denkmäler des klassischen Altertums*, München-Leipzig, 1885, S. 137; F. Winler, *Die Typen der figürlichen Terrakotten*, Berlin-Stuttgart, 1903, S. 376, 7, 9; А. Н. Щеглов, ук. соч.

традиционной позе следуют оригиналу прославленного скульптора древности Фиромаха — пергамской статуе бога. Вполне вероятно, что Фиромах мог канонизировать популярную, появившуюся гораздо ранее классическую трактовку образа божества.

Торс Херсонесского музея имеет четко выраженный посвятительный характер. На правом плече статуэтки процарапана монограмма **ΜΝ**, состоящая из букв **M** и **N** или **M, I, N**, которая может быть понята по-видимому только как посвятительная надпись, содержащая очевидно имя посвятителя. Кроме того, подкрепляющим доказательством служит то обстоятельство, что задняя сторона статуэтки необработана, очевидно потому, что статуэтка должна была помещаться у стены или в нише, наподобие фракийских посвятительных рельефов.

Изображение Асклепия и Гигией помешено на гемме в медальоне, который был найден в могиле № 441 херсонесского некрополя при раскопках 1894 г.¹¹ Фигуры бога и его дочери стоят одна подле другой на краях общего постамента (рис. 4). Обе они изображены en face с головами повернутыми друг к другу. Асклепий в обычной позе опирается на обвитый змеей жезл. Гигией в правой руке держит чашу, из которой пьет змей, поддерживаемая левой рукой богини. Эту гемму М. И. Максимова датирует II—III вв. н.э. и полагает, что она изготовлена херсонесским мастером и является образцом местного художественного стиля, сложившегося к концу античной эпохи на территории Северного Причерноморья «в результате многовекового сложного социально-экономического процесса»¹².

В свою очередь эта гемма является не самостоятельным произведением мастера-резчика, а очень тщательно исполненной копией. Отыскать среди херсонесских памятников оригинал, с которого была снята копия, и который, как мы это подробно покажем ниже, сам по себе тоже представляет копию или подражание, оказывается довольно легко. Это один из вариантов херсонесских монет (рис. 6/4), чекан которых производился на рубеже II и III вв. н.э. Резчик взял изображения, помещенные на лицевой и оборотной стороне монеты и скомпоновал их на одном постаменте. Точная передача пропорций и мелких деталей изобличает в нем опытного кописта. С другой стороны тождественность фигур на монетах и гемме не мешает предполагать в них работу одного мастера, что вполне вероятно.

Находка памятника с изображением бога и его спутников известна также и за пределами города. С периферии Херсонеса происходит кинисская ваза с рельефными изображениями Асклепия, Гигией и Телесфора на обеих сторонах (рис. 5/а, б)¹³. Сосуд этот, хотя он и не херсонесского происхождения, интересен тем, что обнаружен при раскопках некрополя, по-видимому, принадлежавшего местному населению, проживавшему в окрестностях Херсонеса в период поздней античности. Возможно, что в какой-то мере он может свидетельствовать о проникновении культа бога-целителя в среду ближайших соседей города.

¹¹ ОАК за 1894 г., стр. 64, рис. 92.

¹² М. И. Максимова, *Резные камни*, сб. «Античные города Северного Причерноморья», I, Москва—Ленинград, 1955, стр. 445; она же, *Античные печати*

Рис. 2. — Фрагмент мраморной статуэтки Асклепия из Херсонеса.

Северного Причерноморья, VDI, № 1, 1937, стр. 251 слл.

¹³ В. А. Анохин, *Кувшин с рельефными изображениями Асклепия и Гигией*, KSIA-Kiev, вып. 8, 1959, стр. 166 слл.

Рассмотренная группа памятников позволяет с уверенностью говорить о существовании в первые века нашей эры в Херсонесе культа Асклепия. Более того, надпись, как документ официальный, предполагает известную популярность этого культа. Однако представления о степени его почитаемости и значимости для Херсонеса эти памятники дать не могут из-за своей малочисленности и фрагментарности. Ответ на последний вопрос помогает дать другая категория вещественных памятников, как бы представляющая лицо города, — монеты. К ним мы и переходим.

Монеты с изображением Асклепия и Гигией известны на заключительном этапе херсонесской чеканки, в период так называемой второй элевтерии (середина II в. — середина второй половины III в. н.э.). В этот период выпускалась только медная монета, практически трех номиналов¹⁴: тетрассарий, трессис, дупондий¹⁵. Разнообразие вариантов, большое количество монет крупного и мелкого номиналов, а также наличие среди них многих деградированных экземпляров как в отношении стиля, так веса и размера заставляет предположить, что эти монеты чеканились на протяжении всего периода второй элевтерии и составляли основу денежного обращения Херсонеса того времени.

Характерной особенностью этих монет является сугубо местный, традиционно херсонесский сюжет их изображений. На лицевой стороне монет крупного номинала (рис. 6/1—2) изображена голова городского божества Херсонаса, на оборотной — стоящая во весь рост Дева с луком и дротиком в руках, у ног ее — лань. Изображение Херсонаса на монетах¹⁶ появилось только на заключительном этапе херсонесского чекана. Сюжет оборотной стороны известен и для более ранних серий монет Херсонеса¹⁷.

На лицевой стороне монет мелкого номинала (рис. 6/5) помещен бодающийся бык, на оборотной — бегущая Дева, поражающая лань. Изображения на этих монетах являются обычными для всей херсонесской чеканки, начиная с IV в. до н.э., и тип монет полностью заимствован у монет первой половины III в. до н.э.¹⁸

Рис. 3. — Бронзовая статуэтка Асклепия из Херсонеса.

Выпуск этих монет относится ко времени не ранее северовской эпохи и заканчивается задолго до прекращения чеканки херсонесских монет, которое произошло, очевидно, при Диоклетиане.

¹⁴ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, МИА, № 16, Москва-Ленинград, 1951, стр. 158 слл.

¹⁵ Для этого периода А. Н. Зограф (ук. соч., стр. 159) отмечает и мельчайший номинал, в котором нужно видеть ассарий. В данной связи из-за крайней редкости этих монет едва ли их следует привлекать. Отметим лишь, что тип ассария повторяет традиционные монетные сюжеты Херсонеса римского времени — голову местного божества Херсонас и изображение Ники.

¹⁶ А. В. Орешников, *Херсонас, божество Херсонеса Таврического*, ИАК, вып. 65, 1918, стр. 144 слл.; он же, *Олицетворение общины Херсонеса Таврического*

на монетах, IRAIMK, т. II, 1922, стр. 159 слл.

¹⁷ А. Н. Зограф, *Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики*, IRAIMK, т. II, 1922, стр. 337 слл.

¹⁸ См., напр., П. Бурачков, *Общий каталог монет, принадлежащих греческим колониям*, Одесса, 1884, табл. XIV, №№ 37—40; А. Н. Зограф, *Античные монеты*, табл. XXXV, №№ 24—25.

¹⁹ Б. Кене, *Описание музеума кн. В. В. Коцубея*, т. I, СПб., 1857, стр. 195 сл.

²⁰ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, стр. 159.

Сюжет изображений монет среднего номинала необычен для херсонесской монетной типологии. На лицевой стороне помещена стоящая во весь рост задрапированная фигура Асклепия (рис. 6/3—4) с повернутой влево головой. Асклепий в своей традиционной позе опирается правой рукой на жезл, обвитый змеей. На оборотной стороне монеты находится стоящая во весь рост задрапированная фигура Гигией, которая кормит из патеры змею.

Новый в композиционном отношении для римского времени тип этих монет (помещение на обеих сторонах монеты стоящих во весь рост фигур) может быть объяснен в какой-то мере стремлением резко выделить вновь вводимые монеты из массы херсонесских монет других номиналов. Это стремление понятно и вполне обосновано тем, что в условиях деградации монет Херсонеса III в.н.э. при незначительной разнице в размере монетного кружка различить монеты разных номиналов практически возможно было лишь на основании особенностей их изображений, тем более, что знаки цепности на этих монетах исключительно редки.

Выбор изображений Асклепия и Гигией в качестве монетных типов является новостью не только для монет Херсонеса, но и всего Северного Причерноморья. С другой стороны, изображения Асклепия и его дочери, стоящих во весь рост, очень часто встречаются на других греческих монетах римского времени. Вопрос об изображениях этих божеств на античных монетах подробно исследован и освещен в ряде специальных работ²¹. Установлено, что фигуры Асклепия и Гигией, аналогичные изображениям херсонесских монет, подобно многочисленным статуарным репликам римского времени, воспроизводят пергамскую группу статуй. Помещение этой группы на монетах практиковалось в основном в сравнительно поздний период, с начала II до конца III в. н.э., получив особое распространение с конца II в. Статуи изображались на монетах по-разному: в пределах храма, на постаментах, стоящие вместе, включенные в группу с другими божествами или римским императором (последнее типично для собственно Пергама, где Асклепий почитался как городское божество) и т.д. Но чаще всего эти статуи воспроизводились в виде отдельно стоящих фигур в качестве самостоятельных монетных типов оборотных сторон. Изображения Асклепия имеют в свою очередь ряд типологических вариантов (различные повороты головы бога, разное положение жезла и т.д.), находящихся в ряде случаев прямую аналогию среди дошедших до нас скульптурных реплик. Другие, более мелкие, варианты изображения бога появились вследствие неточности монетных резчиков, обычной при воспроизведении на монетах скульптурных или архитектурных памятников. Для нас в данной связи важно только то, что изображения херсонесских монет являются наиболее обычными вариантами подобных изображений и на других греческих монетах.

Таким образом, можно считать установленным, что изображения Асклепия и Гигией на монетах Херсонеса являются заимствованными, причем образцом для них послужили наиболее распространенные в римское время типы оборотных сторон греческих монет. Вряд ли мы ошибемся, признав за конкретный прототип херсонесских монет монеты городов Западного Понта, где монетные типы с изображением Асклепия и его дочери, начиная с конца II в.н.э. являются наиболее обычными. Это предположение подтверждается, в частности и тем, что в отличие от Боспора, в монетном деле Херсонеса, как и в Тире и Ольвии, была принята система номи-

Рис. 4. — Гемма с изображением Асклепия и Гигией, найденная при раскопках псакрополя Херсонеса.

²¹ См. напр.: H. von Fritze, *Asklepiosstatuen in Pergamone. Münzbilder...* Nomisma, II; O. Bernhard, *Griechische und römische*

налов, явно заимствованная из чекана городов Левого Понта. Монеты с помещенными на них фигурами Асклепия и Гигией обычны в это время и для некоторых городов Южного Понта, однако по ряду причин, которые будут рассмотрены дальше, они, на наш взгляд, не могли служить исходными прототипами для херсонесских монет.

Рис. 5. — а, кидийский керамический сосуд с изображениями Асклепия, Гигией и Телесфора, найденный при раскопках некрополя в окрестностях Херсоисса.

Воспроизведение на херсонесских монетах пергамских статуй представляет большой интерес, так как они являются единственными изображениями неместных статуй не только для монет Херсонеса, но и для всего Северного Причерноморья. В этой связи встает вопрос, воспроизво-дились ли херсонесским мастером изображения Асклепия и его дочери как отвлеченные образы божеств или они осмысливались как скульптурная группа. На это, естественно, нельзя дать исчес-пывающего ответа; но если вспомнить, что на херсонесских монетах крупного номинала воспроиз-ведена статуарная группа городской богини Девы, а в отношении мелкого номинала это можно предполагать с известными основаниями²², то помещение подобных изображений на монетах

²² А. Н. Зограф, *Статуарные изображения Девы в Херсонесе*.

среднего номинала вряд ли может быть случайным. То, что в это время в Северном Причерноморье, как и в Греции, существовал обычай изображать на монетах статуи, подтверждает и нумизматический материал Боспора, с которым Херсонес был тесно связан в римское время. Начиная с последних годов II в.н.з. в боспорской монетной типологии постепенно становится доминирующим

Рис. 5.—*b*, кидийский керамический сосуд с изображениями Асклепия, Гигией и Телесфора, найденный при раскопках некрополя в окрестностях Херсонеса.

шим тип монет с изображением на оборотной стороне сидящей богини, которое Л.П. Харко трактует как статую из боспорского святилища Афродиты, находившегося в Апатурах²³ (Таманский полуостров).

Существование в Херсонесе в столетии, предшествующем выпуску разобранных монет, святилища Асклепия предполагает также возможность существования в нем статуи бога. Вполне вероятно, что подобная статуя могла повторять канонизированный образ. Однако это предполо-

²³ Л. П. Харко, *О пятиколонном храме, изображенном на боспорских монетах II в. н.э.*, VDI, № 1, 1950, стр. 197 слл. Необходимо учитывать критические замечания по поводу этой статьи, высказанные П. О. Карышковским

(*Боспор и Рим в I в. н.э. по нумизматическим данным, I, О монетах с изображением пятиколонного храма*, VDI, № 3, 1953, стр. 179 слл.).

жение в настоящее время ничем подкреплено быть не может, и у нас нет пока оснований видеть в монетных изображениях местную статую, тем более, что заимствование изображений несомненно. Так или иначе, выбор для монет изображений Асклепия и Гигией свидетельствует о сильно

Рис. 6. — 1—5, херсонесские монеты времени второй элевтерии (3а в увеличении).

возросшем значении культа этих божеств, ставших одинаково почитаемыми наравне с прежними главными городскими богами.

Чем же можно объяснить появление и быстрое возвеличение культа Асклепия в Херсонесе в первые века нашей эры?

Как известно, с шестидесятых годов I в.н.э. Херсонес попадает в непосредственную зависимость от Рима ²⁴ и в дальнейшем становится главной опорой римлян в Крыму, фактически входя в состав провинции Moesia Inferior. В городе во II и III веках постоянно находился гарнизон, состоявший из отрядов главных сил Мезийской армии, легионов — I Italica, XI Claudia и V Macedonica, а также из отрядов отдельных вспомогательных частей (когорт: I Бракара-вавгустанцев, I Киликийской и II Луцензиевой). Солдаты этих отрядов набирались главным образом

²⁴ Г. Д. Белов, *ук. соч.*, стр. 102—110; Д. Н. Дьяков, *Таврика в эпоху римской оккупации*, УЗ МГПИ им. В. И. Ленина, т. XXVIII, вып. I, Москва, 1940 (приведена подробная библиография вопроса).

из фракийцев, военные качества которых римляне высоко ценили. Появление фракийского элемента в Херсонесе в первые века нашей эры засвидетельствовано материалами городского некрополя²⁵.

Популярный в Риме культ Асклепия получил широкое распространение в придунайских провинциях, и особенно во Фракии. Известны фракийские святилища Асклепия, а также громадное количество специфических посвятительных плиток с рельефными изображениями Асклепия и Гигией (иногда встречаются рельефы, в которых в группу бога и его дочери включена маленькая фигурка Телесфора), распространенных на территории Фракии и сопредельных областей²⁶. Многие плитки имеют посвятительные надписи, причем некоторые из них, несущие на себе изображения Асклепия и Гигией, сопровождаются посвящением другим богам (например, Гере); а в свою очередь, плитки с изображениями других божеств могли снабжаться посвящениями Асклепию. Последнее вызывает мысль о массовом производстве этих плиток (что подтверждается и массовостью их находок) и заготовке их впрок. С другой стороны, у нас есть основания упрекнуть древних приносителей в некоторой неразборчивости по отношению к собственным богам.

Большая популярность культа бога-целителя выражается, кроме того, в монетном чекане многих городов Нижней Мезии и Фракии. Изображения Асклепия и Гигией помещались на монетах почти всех городов Нижней Мезии (хотя в Тире и Ольвии их нет) и большинства городов Фракии²⁷. Примечательно, что в Дакии и Верхней Мезии такой картины мы не наблюдаем и, таким образом, границы максимального почитания Асклепия вырисовываются довольно четко.

Естественно, что солдаты римского гарнизона в Херсонесе, будучи выходцами из фракийских племен, и здесь продолжали поклоняться своим богам. При античной веротерпимости неудивительно, что новые культуры легко вводились в пантеон старых богов и даже, как это часто наблюдается, могли оттеснить последних на второй план.

Херсонесский гарнизон был центром римской экспансии в Таврике; и хотя Таврика осталась одной из наименее затронутых римским влиянием областей, а Херсонес оставался номинально независимым и сохранил в основе своей культуру греческого города, влияние римской провинциальной культуры в нем проявилось намного больше, чем в каком-либо другом центре Северного Причерноморья. Отсюда вместе с римскими отрядами фракийские божества передвигались в другие пункты Таврики²⁸. В Хараксе обнаружены два храмика с фракийскими посвятительными рельефами на которых изображены дунайский всадник, Дионис, Геката, Митра и Арте-

²⁵ А. М. Гилевич, *Могила с двумя подбоями*, СГХМ, вып. II, Симферополь, 1961.

²⁶ См. например, В. Добруски, *Тракийско светилище на Асклепия до Глава Панега*. «Материалы по археологии на България». София, 1894, стр. 3 сл.; Д. Дечевъ, *Асклепий като трако-гръцко божество*, «Izvestia-institut», т. III, 1925, стр. 131 сл.; Г. И. Кацаров, *Neue Denkmäler zur Religionsgeschichte Thrakiens*, JDI, Bd. 44, Berlin-Leipzig, 1930, S. 303 ff.; Г. И. Кацаров, *Антични паметници из България, I—IV*, «Izvestia Société» т. II, 1911; т. III, 1912—1913; т. V, 1915; т. VII, 1919—1920; М. М. Кобылина, *Античное искусство на территории Болгарии*, сб. «Материалы по теории и истории искусства», Москва, 1956, стр. 65; Никола Вулич, *Траки коняник и други иконе из античног доба*, «Споменик», ХСУШ, Одърьеъе друштвениъ наука, 77, Београд, 1941—1948, стр. 313, №№ 103, 104.

²⁷ F. Imhoof-Blumer, B. Pick, *Die antiken Münzen Nord-Griechenlands*, Bd. I, *Dacien und Moesien*, I, Halbband, Berlin, 1899; F. Imhoof-Blumer, B. Pick, K. Regling, *Die antiken Münzen Nord-Griechenlands*, Bd. I, II Halbband, Abt. I, Berlin, 1910; Н. А. Мушков, *Античните монети на Балканския полуостров и монетите на българските царе*,

София, 1912.

²⁸ Сеть римских укреплений в Крыму изучена еще недостаточно. До последних лет исследовалась достоверно известная нам крепость — Харакс (В. Д. Блаватский, *Харакс*, МIA, № 19, 1951, стр. 250 сл., приведена подробная библиография вопроса). Однако в настоящее время намечается еще несколько пунктов, на которых предполагаются стоянки римских отрядов. Один из них находится у устья р. Алмы (А. Н. Щеглов, *Полевые работы Херсонесского Музея в северо-западном Крыму в 1959—1960 годах*. Тезисы докладов о раскопках Херсонеса Таврического на античной секции Сессии отделения исторических наук АН СССР и Пленуме института археологии, посвященных результатам полевых археологических исследований в 1960 г. Севастополь, 1961). В двух других пунктах возможны дорожные сторожевые посты; причем в одном случае исходной точкой для предположения служит сохранившаяся до недавнего времени топонимика (А. Н. Щеглов, *Об изучении топонимики средневекового Крыма*, «Записки Одесского Археологического Общества», т. I, 34, Одесса, 1961, стр. 341).

мида²⁹. Найдены фракийских посвятительных рельефов известны и в Херсонесе³⁰, а также в Ольвии³¹, где с середины II в.н.э. стоял гарнизон солдат Мизийской армии.

Вместе с другими богами, которым поклонялись солдаты римского гарнизона, в Херсонес был занесен и культ Асклепия³². В отличие от других, очевидно не вышедших за пределы гарнизона, он за довольно короткий промежуток времени получил всеобщее признание и, поскольку изображения бога помещались наряду с главными городскими божествами на монетах, поднялся до уровня общегосударственного. Это могло быть связано с его общим возвышением в Риме и на подвластных или зависимых от него территориях, со значительной степенью зависимости Херсонеса от Рима, а также растворением в среде городского населения фракийских культурных и этнических элементов.

Москва, 1961 г.

²⁹ М. Ростовцев, *Святилище фракийских богов и надписи бенефециаров в Ай-Тодоре*, ИАК, вып. 40, 1911, стр. 1 сл.

³⁰ Подготовлены к публикации Херсонесским музеем.

³¹ М. Ростовцев, ук. соч., стр. 17.

³² Этот культ, возможно, одновременно был занесен ими и в Тир, при раскопках которой найден скульптурный фрагмент, по-видимому часть группы Асклепия и Гигией (А. И. Фурманская, *Памятники скульптуры из Тира*, КСИА-Кiev, вып. 10, 1960, стр. 80).